

18+

АРИНА МАРО

Вишнёвый дым

Арина Маро

Вишнёвый дым

«Издательские решения»

Маро А.

Вишнёвый дым / А. Маро — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Десять сигарет. Десять дней. Обратный отсчёт,
который Селина завела себе сама. Она не помнит ту ночь в парке. Не помнит
кровь на своих ладонях. Она знает только одно: она убила человека, которого
любила. И теперь у неё есть десять дней, чтобы попрощаться с жизнью. Но чем
ближе конец, тем больше реальность расплзается по швам. Кто-то оставляет
ей знаки — розу на подушке, гильзу у порога. Кто-то знает о ней всё. И он
не даст ей умереть, пока она не вспомнит, что случилось на самом деле.

© Маро А.

© Издательские решения

Содержание

10	6
9	12
8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вишнёвый дым

Арина Маро

© Арина Маро, 2026

ISBN 978-5-0070-7715-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**«Безумие, как и зло, полностью захватывает
разум тех, кто рискует отдать себя ему во власть»**

Франк Тиле

10

Перспективность обошлась ей дорого. Она не думала, что такое могло произойти, но судьба оказалась проворной коварностью, душащей её самолюбие. За неимением поддержки в лицах её друзей и подруг она прибегла к крайним мерам: пошла плакаться к психологу, повествуя ему о тягости и бренности своей жизни.

Стоит ли говорить, что психолог или скорее мозгоправ, безмолвный лжец и манипулятор был тем единственным, кого Селина не рассматривала в качестве своего слушателя даже в самом кошмарном сне. Чувствуя себя уязвимой в этом пространстве так называемой «душевной помощи», она надела своё любимое худи, защищающее её от внешних невзгод и опасностей, закурила тошнотворно-сладкие сигареты, опустошая пачку из оставшихся десяти никотиновых палочек с ароматом вишни.

— Расскажите, с чего всё началось, — говорит Доктор Л. Его голос плоский, как стена, в которую она воткнётся на полном ходу. В его тоне не было запроса — лишь приказ, замаскированный под участие.

— Началось? — она затягивается, и вишнёвый дым смешивается с водкой. — С того, что я поверила в «завтра».

Проронив эту фразу, такую, казалось бы, незначительную и банальную, Селина поняла, что совершила ещё одну ошибку в своей и не без этого паршивой жизни, она снова открыла свой рот, обнажая душу.

...тусклый свет фонаря. Пустая лавочка в парке. Мужской силуэт. Шёпот:

— Просто держи...

Что? Она не видит. Всё плывёт — то ли в свете фонарей, то ли в её собственной крови.

— Всё будет хорошо, Селина. Это освобождение. Я тебе помогу.

Сердце резко увеличило объём качающей крови, голова наполнилась тяжёлыми как земля, падающая на гроб, мыслями, руки предательски затряслись.

— Вы говорите о «завтра», но ваши руки дрожат, когда вспоминаете «вчера». Что случилось тогда?

На мгновение она забыла, как дышать, воздух ещё минуту назад, поддерживающий в ней то, что осталось от жизни, стал расплавленным стеклом, затвердевая в легких. Селина сжала обжигающе холодный стакан так, что стекло затрещало, а ядовитые пары этанола ударили в нос.

Он знает... — промелькнуло у неё в голове.

Дымящаяся сигарета выпала из ослабевших пальцев, оставив круглую дыру на красном кожаном кресле. Девушка вскочила, начала осматривать комнату, не веря в происходящее.

Он знает, он знает, он знает... паранойя настигла её как хищник жертву, окутала своими длинными чёрными конечностями, подожгла напущенное водкой спокойствие.

— Где он?! Куда вы его посадили?! Какого чёрта вы вообще общались с ним без моего ведома?! — Селина горела, худи обжигало её худое тело, в нелепой попытке сбросить его, она закатила рукава. Шрамы — открытые, немые, но кричащие покрывали её предплечья.

— Что это? — спросил Доктор Л., его глаза скользнули по её запястьям. Вы поэтому пришли?

Селина задыхалась. Слова, словно иглы, распирали горло. Его спокойствие было хуже пытки.

— Это... — её голос сорвался. Это не то, что ты думаешь!

Чёрт, Чёрт, Чёрт. Почему я сказала «ты»? Почему он смотрит так, будто уже знает меня?

— Я думаю, что вы пытались уйти. Но передумали, — он наклонился вперёд, тень от лампы разрезала его лицо пополам. — Почему?

Она не ответила.

Вместо этого пальцы впились в стакан — трещина превратилась в сеть паутины, умело сплетённой пауком хищником. Зрачки расширились, глазные яблоки заходили из стороны в сторону, подступающая желчь противно щекотала горло.

— Вы боитесь не смерти, — продолжал он. — Вы боитесь, что кто-то узнает, почему она вам понадобилась.

Безмятежность в его голосе прилипла к стенам кабинета, как смола.

Это было слишком.

— Заткнись! — Селина швырнула стакан в стену. Стекло разлетелось, водка брызнула на полки с дипломами. — Ты ничего не знаешь!

Доктор Л. всё также продолжал сидеть в своём кресле, положив ногу на ногу и пристально за ней наблюдал, изредка поправляя круглые как таблетки очки. Свет отражался в линзах, скрывая глаза — как будто их вообще не было.

— Знаю. Вы убили его. И теперь боитесь, что он вернётся.

Тишина. Чертовски оглушительная тишина.

Селина застыла.

Руки истерически затряслись, дыхание сбилось, адреналин затуманил сознание. Ей потребовалась минута, чтобы осознать услышанное, вспомнить то, что было погребено в помутившемся разуме. Она резко рванула к двери, худи цеплялось за ручку, оставаться здесь было невыносимо.

— Селина, — он назвал её по имени впервые. — 10 сигарет — это ваш обратный отсчёт? Или признание?

Она не обернулась. Вылетела в коридор, оставив за собой дымящуюся дыру в кресле и капли водки, стекающие со стен.

Грохот. Дверь захлопнулась за спиной. Селина выбежала на улицу. Её трясло.

Холодный октябрьский ветер продувал насквозь, словно пытался вымести из девушки последние остатки разума. Асфальт под ногами казался зыбким. Она почти не слышала шума машин, мчавшихся по магистрали в вечернем городе, словно на ней были наушники с шумоподавлением. Кто-то толкнул её, но она не обернулась. В голове стучало: *он знает... он всё знает...*

Селина потянулась за второй пачкой сигарет. Первая всё же была неким таймером — своеобразной системой отсчёта, состоящей из табака, бумаги, фильтров и прочей дряни, что производители пихают в эти чудные палочки.

Она не могла позволить себе скурить их все в первый же день. Поэтому, будучи человеком зависимым и тревожным, она предусмотрительно купила новую пачку, как только поняла, что обратный отчёт уже запущен.

Десять сигарет — десять дней.

Руки не слушались. Ноги подкашивались. Порывистый ветер яростно тушил пламя зажигалки, не давая прикурить столь необходимую никотиновую смерть.

Селина злилась. Нет, она была в ярости.

Кто, чёрт возьми, этот Доктор Л.?

Откуда он знает, что страх парализует её с каждым днём всё сильнее и сильнее?
Откуда у него информация обо мне? Что за...?
Что, мать твою, происходит? Я... где я?

Вспышка.
Тьма.

Грузные капли упали ей на лицо. Улица наполнилась запахом грязи, в уши ударил звон часов. Девять, десять...

Селина пришла в себя.

Внутренний орущий от негодования голос был прерван внезапно обрушившимся ливнем. Капли воды падали с угольно-тёмного, затянутого тяжёлыми тучами неба. Тушь, смешавшись с водой превратилась в чёрные потоки на щеках. Ещё недавно бушующий ветер, сорвавший капюшон с её головы, утих, будто испугался чего-то.

Она подохла сигарету.

Вдох.

Вишнёвый дым, такой плотный и обволакивающий, поплыл по её лёгким. Он смешался со страхом, поглотил его, сжёг. Язык горько щипало от никотина, в груди будто разлили жидкий свинец — ровно девять секунд, как всегда, после первой затяжки.

Селина осмотрелась. Она стояла перед зеркальным фасадом психологического центра, но вместо своего отражения видела лишь размытое пятно — будто стекло отказывалось показывать её истинное лицо.

«Центр психологической помощи» — табличка была новая, но буквы уже слезали, обнажая ржавчину. Всего полгода назад она проходила здесь, смеясь со своей подругой Молли над глупым названием. Теперь же ржавчина казалась ей отражением собственной души.

— Мда, символично, — выругалась Селина, — краска слезла, показался новый слой такой мерзкий и чёрствый, словно это мо...

Её голос дрогнул, слова высохли на губах как старое озеро под июльским зноем.

В отражении на неё смотрел Доктор Л.

Она резко обернулась.

Улицу озарило. Молния ударила в дом через дорогу.

Никого.

Только пара машин проезжала по затопленной магистрали, а дождь всё сильнее стучал по стеклам домов квартала. Где-то в кармане ждала баночка с таблетками — последний рецепт от врача, которые она так и не стала принимать. Лекарства казались ей капитуляцией перед жизнью, которая давно превратилась в череду серых дней.

— Галлюцинации... — прошептала она, сжимая сигарету так, что фильтр смялся.

— Мне всё же стоило принимать эти долбанные колёса. Как их там... антипсихотики, кажется или нейролептики. А впрочем, плевать, я всё равно уже «на таймере».

Дождь не прекращался.

Худи, цвета пепла, промокло насквозь, превратившись в ледяной панцирь. Каждый шаг отдавался болью — ноги онемели, пальцы синели от холода.

Бар «Лигатура» светился впереди грязно-розовым неоновым знаком, будто маяк для потерпевших крушение, бедных тонущих жертв игры небесных циников.

Селина толкнула дверь.

Тёплый затхлый воздух, пропитанный запахом дешёвого виски и старой древесины, ударил в лицо. Радио за стойкой играло какую-то смутно знакомую песню о призраках прошлого. Вокалист надрывался, казалось, ещё немного и у всех присутствующих пойдет кровь из ушей.

Бармен, парень с татуировкой змеи на шее, даже не поднял глаз:

— Опять одна?

Она не ответила.

Прошла в дальний угол зала, где свет лампы мерцал, словно последние искры в костре. Какой-то мужчина смеялся неестественно громко, звенели бокалы, влюблённая парочка жадно целовалась.

Селина уселась за столик, закинула ногу на ногу и уже было полезла в карман за своим антитревожным табачным средством, как её взгляд уловил знакомое очертание.

На столе перед ней лежала пачка сигарет.

Десять штук.

Но... она же только что выкурила одну?

Запах вишнёвого дыма ударил в нос — густой, сладковатый, с примесью чего-то химического. Её сигареты. Но откуда?

Селина опустила взгляд. В пепельнице перед ней лежал окурочек — фильтр слегка помят, будто его затушили в спешке. Её привычка.

— Ну что, принцесса, опять тонешь?

Грубоватый голос заставил её вздрогнуть. На стол с грохотом опустился стакан виски, а следом а следом на её плечо упала мускулистая рука с рваным браслетом на запястье, её подарок после не увенчавшейся успехом попытки прервать своё бренное существование.

Селина подняла глаза. Бармен Крис — её единственный друг за последний год — стоял, скрестив руки. Его короткие тёмные волосы были собраны в небрежный хвост, а в левой брови блестела серебряная серьга. Как у того парня...

— Ты выглядишь, как смерть в мини-юбке, — проворчал он, садясь напротив. — Опять не спишь?

Селина потянулась к сигаретам, но Крис перехватил её руку.

— Сначала выпей. А потом можешь травить себя дальше.

Он толкнул стакан к ней. На стекле остался отпечаток его пальца — маленькая деталь, которая почему-то всегда успокаивала её. Виски отражал свет — и её лицо в нём было слишком бледным, почти прозрачным.

Она сжала стакан дрожащими пальцами. Стекло оказалось странно шершавым, будто покрытым невидимой пылью из молотых сигаретных фильтров. Ледяной виски жёг кожу, но она не чувствовала боли — только пульсацию в висках, совпадающую с ритмом дождя за окном. Девушка сделала глоток, холодное пойло укололо горло вишнёвыми шипами и рассеялось жаром в груди.

Крис наблюдал за ней. Его глаза скользнули по её мокрым рукавам, где ткань прилипла к свежим порезам.

— Тебе нужно к врачу, — бросил он, потирая запястья. — Не к психологу. К нормальному.

Она фыркнула.

Где-то за спиной скрипнул стул.

Селина обернулась.

В углу бара, за соседним столиком, сидел Доктор Л., медленно помешивая ложкой в пустой кофейной чашке, он пристально смотрел на неё. Его губы шевелились, но звук не долетал — будто между ними стояло толстое невидимое стекло.

— Ты... — Селина замерла, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. — Крис, ты его видишь?

Бармен поднял взгляд, скользнул глазами по пустым столикам и нахмурился:

— Кого, сестрёнка? Ты тут одна, все разошлись минут двадцать назад — он постучал пальцем по виску. — Совсем едет крыша.

Когда она снова посмотрела в угол, Доктор Л. держал в руках её сигарету №9 — ту, что должна была лежать в её пачке. Он поднёс её к губам и затянулся, не разжигая.

— Двадцать минут?! Сколько я уже здесь сижу?

— Точно не знаю, может час. Я тебе уже три раза подливал.

Селина молчала.

Бесконечный поток запутанных мыслей завладел её сознанием. Двадцать минут. Час.

Отражение в стакане исказилось. Вместо её лица в золотистой жидкости плавало чужое — мужское, с большими уставшими каре-зелёными глазами.

— Чёрт! — Селина отшвырнула стакан. Стекло разбилось о стену, брызги алкоголя сложились в цифры на стене:

9 ДНЕЙ

Нет, нет, нет! Это совпадение. Глюк. Я просто слишком много выпила. Или может... кто-то играет со мной. Или...

Шум усилившегося дождя затопил поток мыслей, словно крышка гроба закрыла изуродованное тело, чтобы не пугать родственников.

В баре повисла тишина. Даже дождь перестал стучать по крыше.

Крис вздохнул, вытирая барной тряпкой стойку — привычное движение, чтобы дать себе время подобрать слова. Он медленно обошёл свое рабочее место, его тёплые, шершавые от постоянного контакта со льдом и стаканами руки легли на её плечи:

— Ладно, Силли, хватит на сегодня. — Его голос звучал устало, но без раздражения. — Ты же знаешь, что у меня всегда есть для тебя койка наверху.

Крис кивнул в сторону лестницы, где за выцветшей занавеской скрывалась узкая дверь. Та самая комната — с продавленным диваном, вечно запотевшим зеркалом в углу, и коробкой её вещей, которая копилась там месяцами: растрепанный томик Аллана По, он подарил его ей в день, когда она впервые пришла сюда с порезами; старый плед в звёздах, от него пахло корицей, потому что Крис хранил его рядом со специями; фото их троих — она, Крис и Молли — на фоне неоновой вывески бара, но лицо Молли кто-то зачеркнул.

Он достал из кармана ключ с брелком-гильзой и протянул ей.

— Там уже ждёт твой любимый чайник с единорогами, три пакета той гадости, что ты называешь чаем, и...

Крис замялся, доставая из-под стойки завёрнутый в фольгу сэндвич.

— Я не слепой. Ты не ела со вчера.

Дождь, извергающий свои ледяные водные потоки шёл уже часа три, затуманивая вид на ночной бульвар. Капли стекали по стеклу, как кровь по рукам. Фонари начали гаснуть, город засыпал. Как вдруг завывающий свою серенаду ветер утих, туман рассеялся, и на какой-то миг Селине показалось, что в отражении витрины за спиной Криса стоит Доктор Л. — его пальцы лежат на плече бармена, словно рассеивающийся дым. Поднятые вверх уголки губ вселяли ужас. Он улыбался. Не ей — Крису.

Но Крис ничего не замечал. Он лишь нахмурился, увидев, как она сжимает сигарету №9 так, что табак высыпается на пол.

— Иди уже, солнце. — он повернул её к лестнице, мягко подтолкнув. — Пока я не решил рассказать тебе, как мы с Молли...

Его голос оборвался. Он замолчал, не смея продолжить.

Селина молчала. Тело покрылось мурашками, голова гудела, в груди яростно билось что-то горячее и острое — будто сердце, пробивающее рёбра при передозе. Она знала: Крис не хотел ранить её ещё больше. Но вопрос сам вырывался наружу: «Когда ты видел её в последний раз?»

Молли... Та самая Молли, которая уже чёрт знает сколько вне зоны доступа.

9

Селина стояла перед зеркалом в ванной на чердаке бара. Ночью она не сомкнула глаз. Бессонница раскачивала её на волнах между яростью и оцепенением — то заставляла впиваться пальцами в подушку, то оставляла бесцельно лежать, как мешок с костями. Потолок трещал по швам, часы на стене отсчитывали секунды с издевательской медлительностью, а за окном шумел то ли дождь, то ли кто-то скребся в стекло с методичной дотошностью — будто выводил ножом цифру из её таймера. В какой-то момент Селина плюнула, зажгла сигарету из своей заначки и уставилась в темноту, пока та не начала ей отвечать.

Она смотрела на своё отражение, вглядывалась в лицо, которое, казалось, и вовсе ей не принадлежит. Оно было чужим. Под глазами залегли фиолетовые тени, словно она побывала в переделке, губы некогда пухлые и ухоженные, потрескались. Кожа отливала мертвенной бледностью, потухшие каре-зелёные глаза покрылись тонкой кровавой сеточкой сосудов. Мокрые тёмно-каштановые почти чёрные волосы свисали как пакли, ниспадали на худые плечи, покрытые синяками. Она не помнила откуда они, но факт оставался фактом. Она вся была в синяках. Они как смертельные опухоли покрывали её истощённое тело.

Кто ты? — подумала она, и её отражение улыбнулось — слишком широко, слишком неестественно.

Селина резко отпрянула, ударившись спиной о стену. Вода из недозакрученного крана капала в такт её сердцебиению: кап-кап-кап.

— Ты не спишь уже трое суток, — сказал голос за её спиной.

Она резко обернулась, озноб прошиб её тело.

В дверном проёме стоял Доктор Л., опираясь на косяк. На нём было её пепельно-чёрное худы, а в руке — стакан с тёмной вязкой жидкостью. Кровь — пронеслось в сознании Селины.

— Ты не настоящий, ты не настоящий, не настоящий... — прошептала она, но голос звучал неуверенно, слишком тихо, чтобы его можно было услышать.

Внутри она кричала, снаружи же не могла проронить ни звука.

Воздух вдруг стал тягучим, как пластик, брошенный в открытый огонь. Лёгкие сжались в комок, рёбра впились в диафрагму как терновый венок. По позвоночнику пополз холодок. Ладони вспотели — капли пота скатились по вискам. В ушах застучало: тук-тук-тук, будто кто-то ломился в запертую дверь. Зрачки расширились, выхватывая из темноты обрывки теней — они шевелились, тянулись к ней, эти... эти...

Селина открыла глаза.

Она сидела на холодном кафельном полу. Полотенце валялось рядом, должно быть она скинула его, пытаясь сделать вдох. Она не помнила сколько времени прошло. Девять минут? Девятнадцать?

Это всё очень странно, эти провалы во времени... хотя если подумать, я реально не спала уже три дня, так ещё и почти не ела. Всё нормально. Всё хорошо. Я просто устала. Нужно немного отдохнуть, и всё наладится. Вечером дома выпью снотворное и усну. Кстати, а откуда оно у меня? Я вроде не покупала, да и рецепта на него у меня нет. Не важно, главное, что есть.

Селина поднялась с пола, завернулась в полотенце. Приступ отступил — осталась лишь лёгкая дрожь в коленях и горьковатый привкус во рту, будто она разжевала таблетку. Капли стекали по раковине, унося с собой последние следы паники. Она задержала взгляд на трещине

в кафеле — та изгибалась, как дорога в никуда. «*Хватит*», — прошептала она себе, выключая свет.

Комната встретила её запахом пыли и чего-то затхлого. Наверное, Крис опять забыл развесить свои вещи. Здесь было тихо — слишком тихо, будто пространство затаило дыхание. Селина провела пальцем по спинке дивана, оставляя след на покрытом тонким слоем пепла изголовье.

Десять сигарет... девять... восемь... — мысленный отсчёт успокаивал, как молитва.

Она потянулась к тумбочке, где лежала пачка, но вдруг замерла — в зеркале напротив кто-то шевельнулся. На секунду. Меньше чем на секунду.

Опять эти видения, — усмехнулась Селина, но всё же отвернулась. Лучше не проверять.

Она залезла в коробку со своими вещами, нашла джинсы, какой-то старый свитер странного бордового цвета. Её худи всё ещё было мокрым. Проклятый дождь.

Время на часах показывало восемь. «Бар открывается в десять. Крис обычно приходит пораньше, значит у меня ещё часа полтора. Надо что-то придумать, не то я умру от скуки», — размышляла она.

Селина подошла к комоду в левом углу комнаты. Он был весь покрыт пылью, Крис не особо тут прибирался, ему это и не нужно, он то в отличие от неё не напивается до чёртиков и не засыпает где попало. На комод лежала пара её вещей: расческа с поломанной ручкой и парой рыжих волос, старая зажигалка с выгравированной надписью «Лигатура», которая давала искру только с пятого раза, пустая оранжевая банка от таблеток. Когда-то она их принимала, а потом поняла, что это бесполезно, состояние не менялось, да и у рецепта вышел срок использования.

Помимо барахла Силли, так ласково называл её Крис, на пыльной деревянной поверхности лежали какие-то чеки, пара чашек в разводах, грязная ложка, покрытая непонятной серо-коричневой жижей, а также фотография в рамке. Она, кажется, была единственным предметом в этой комнате, не покрытым пылью.

С фотографии на неё смотрели трое — Крис, Молли и она сама, только на пару килограмм тяжелее с сияющей кожей и белоснежной улыбкой.

Эх, Молли...

Селина не помнила, когда в последний раз видела её. Она просто исчезла. Не поднимала трубку, не появлялась дома, даже в социальные сети не заходила, а ведь она проводила в них двадцать четыре часа в сутки. Это было странно.

Надо бы всё же спросить у Криса, когда он видел её в последний раз. — подумала она.

Её взгляд упал на часы. 8:15. Время тянулось медленно, как сахарный сироп, что она добавляла в напитки посетителям в кофейне.

Селина решила дальше порыться в чердачной комнате. Открыла шкаф, просмотрела старые вещи Криса, он свозил их сюда, когда понимал, что не носит их больше года. Залезла в ящики комода, выглянула в окно, посидела на диване, как вдруг краем глаза она уловила очертание тумбочки, которой тут раньше точно не было. Пыльная, грязная с оторванной ручкой она стояла в дальнем углу комнаты всеми забытая и брошенная. Интерес Селины взял верх. Она подошла к старому деревянному некогда ещё предмету мебели, присела на корточки, поддела ящик той грязной ложкой с комода и ахнула.

В маленьком пространстве плесневелого ящика лежала приоткрытая коробочка. Лезвия. Её лезвия. *Чёрт. Чёрт. ЧЁРТ!* Рядом лежала мятая, пожелтевшая страница — предсмертная записка, по всей видимости написанная в острой фазе бреда, половина слов смазалась, а причина ухода из жизни вообще отсутствовала. Селина покрылась мурашками. Крис все это время хранил самые гадкие артефакты из её биографии, больной засранец.

С запиской всё понятно, — подумала Селина. — но вот пачка смертельно острых железяк... Наверное, он забрал их после того, как я словила припадок самоуничтожения в туалете бара, когда рыдала после встречи с ним...

Всё началось чуть больше полугода назад. Селине снова становилось плохо.

Ты когда-нибудь чувствовал себя в ловушке? Не в комнате с запертой дверью — в ловушке собственного тела, когда рёбра смыкаются в стальную клетку, кожа натягивается, как полиэтиленовая плёнка на лице жертвы маньяка. В ловушке дней, похожих на грязные стёкла в метро: мимо мелькают лица, станции, но ты видишь только своё искажённое отражение.

Когда кажется, что ничего не меняется, когда все краски исчезают, словно небесный диктатор наложил чёрно-белый фильтр. И ты чувствуешь только безнадежность, пустоту и мучительную боль. Боль, разливающуюся по телу, поглощающую тебя. Боль, отдающую свинцом, залегшим в каждой клеточке тела. Боль сковывающую душу, заставляющую чувствовать, что эта жизнь не для тебя...

Утро. Ты открываешь глаза. В окна льётся солнечный свет, как желчь сквозь марлю. И ты думаешь только об одном: «Чёрт, почему я проснулась? Я не хочу быть здесь».

Боль.

Пустота.

Грусть.

Безнадёжность.

Ты идёшь в ванную, не собираясь чистить зубы или умываться. Ты идёшь, потому что так поступают нормальные люди. Зеркало. Чёртово зеркало на стене отражает всё: твоё тело, лицо, растрёпанные волосы, но не твою кровоточащую рану. Эта дьяволица невидима. Трещина, идущая от грудины к животу. Невидима. Нема.

Именно в этот момент — когда трещина внутри стала шире самой себя, когда даже зеркало отказалось признавать её боль. А мир вокруг продолжал жить, смеяться, сиять — Селина поняла, что её больше нет. Она уже не та девушка, какой была. Она сломалась, как часы, остановившиеся на «никогда». Она разбилась на миллионы хрустальных кусочков. Её свет погас — сначала в глазах, а потом и где-то внутри.

Такое уже случалось год назад, когда Крис нашёл её в ванной — без сознания, с руками, погружёнными в воду алого цвета, будто она пыталась отстирать окровавленное бельё. Пар поднимался от поверхности воды, как от только что заваренного чая, на полу валялись ножицы — те самые, кухонные, что она обычно использовала для пакетов с сухим завтраком. «*Для пакетов с завтраком*», — усмехнулся позже Крис, когда его друг-медик, с каменным лицом хирурга, зашивал её кожу хирургической нитью, будто штопал рваное платье. «Для пакетов, мать твою!»

Крис скрёб щёткой швы между плитками часа четыре. Хлорка въедалась в кожу, пальцы немели, в трахеях противно жгло.

— Тебя бы в психушку, — бубнил он, выливая новую порцию хлорки на пол, — но я, видимо идиот последний. Пожалел тебя.

Причину она так и не объяснила. Да и не помнила — после потери крови память стала дырявой, как старый дуршлаг. Иногда ей казалось, что в пробелах — ответ. Но когда она пыталась взглянуть, из дыр сыпался только пепел.

Теперь ванная всегда пахла хлоркой. Даже когда Крис перестал мыть пол с маниакальным усердием. Даже когда шрамы затянулись ровными строчками, похожими на плохие стихи. Селина иногда водила по ним пальцами, прислушиваясь — не шепчут ли они ей «зачем?». Но

они молчали, как и слив, некогда уносивший красную воду туда, где хранятся все не заданные вопросы.

В любом случае сейчас грусть и так называемое «весеннее обострение» только начинались. У Селины всё вроде было в порядке. Она работала в кофейне, ей нравилось. Днями напролёт она варила кофе, взбивала молоко, экспериментировала с сиропами и скрытно смеялась над клиентами, кто заказывал уж слишком странные напитки. Платили немного, но ей не было до этого дела.

У Селины были сбережения, оставленные родителями. Но ты не подумай, они были живы. Никто не умер от разрыва аневризмы, не разбился в авиакатастрофе или не попал в руки маньяка, они просто уехали, не сказав ни слова. Это было лет восемь назад, в её восемнадцать. Когда ещё такая маленькая Силли, но уже такая взрослая Селина заканчивала старшую школу. Они просто уехали, оставив записку: «Мы устали. Дело не в тебе. Прощай.»

Совсем ещё юная Селина была в растерянности. Она пыталась было с ними связаться, но они сменили номера, а их нового адреса она не знала. Позже к ней пришёл адвокат некогда семьи, принёс кучу каких-то бумаг и сказал, что этот дом теперь её, денег на счёте ей хватит до конца жизни, и вообще, чтобы она не парилась и жила в своё удовольствие.

Помимо работы у Селины были друзья. Их было немного, но они всегда были рядом. Были книги — потрёпанные томики с жёлтыми страницами, которые она перечитывала, пока не запоминала каждую запятую. Была гитара в углу комнаты с порванной струной, которую она так и не заменила. Была музыка — один и тот же альбом, играющий на повторе, пока она не перестала слышать мелодию. Были ночные прогулки по пустым улицам, когда город затихал, и только фонари мерцали, как свидетели её одиночества. Были сигареты с вишнёвым вкусом, оставлявшие на губах горьковатый привкус, и бутылки дешёвого виски, которые она прятала под кроватью.

Да, это было, но это не приносило ей удовольствия.

С каждым днём всё становилось хуже. Книги превращались в груды бумаги, гитара — в пыльную реликвию прошлого. Улицы, когда-то дарящие ей глоток свободы, теперь казались туннелями в никуда. Даже виски больше не жёг горло — он просто тёк внутрь, как вода, не оставляя после себя ни тепла, ни забытья.

А потом начались провалы.

Она просыпалась и не могла вспомнить, как оказалась дома. Видела лица, но не узнавала их. Слышала голоса, но не понимала слов. Мир вокруг терял очертания, как акварель под дождём, и единственное, что оставалось реальным, — это боль.

Острая.

Тупая.

Постоянная.

Как будто кто-то вбил ей под кожу гвозди и забыл их вытащить.

Спустя месяц непрерывной борьбы за выживание она устала. Смертельно устала.

А потом лезвие снова оказалось в её руке — холодное, острое, честное. В отличие от людей. В отличие от слов. В отличие от самой жизни.

Сначала это были аккуратные линии, спрятанные под рукавами, под браслетами, под слоем тонального крема. «Никто не заметит», — думала она, затягивая повязку потуже. Но потом ей стало плевать. Шрамы расползались по рукам, как трещины по тонкому льду, а она смотрела на них и ждала — когда же он наконец провалится, этот лёд, и поглотит её целиком.

Она перестала брать трубку. Перестала открывать дверь. Даже Крису, который стучал в дверь так, будто хотел выбить её вместе с косяком. «Уходи», — шептала она, прижимаясь спиной к стене, пока шаги за дверью не затихали.

Она пила, но тело больше не реагировало — ни жаром в груди, ни туманом в голове. Только печень отдавала тупой болью, напоминая: ты ещё жива, чёрт возьми. Сигаретный дым заволакивал комнату плотной пеленой, но не мог заглушить главного — той чёрной дыры, что разрывала её изнутри. Каждый глоток, каждая затяжка, каждый порез — всё это было попыткой заткнуть пустоту, которая кричала громче, чем она сама.

Но боль не уходила. Она лишь меняла форму: то раскалённой иглы под рёбрами, то свинцовой тяжести в груди, то ледяных щупалец, сжимающих горло по ночам. Боль поглощала, убивала, не давала передышки. Она росла... Росла как раковая опухоль, занимая всё больше места в уже, итак, ослабшем теле с надломившимся духом.

Однажды Селина стояла на краю моста, пальцы вцепились в ледяные перила так, что костяшки побелели. Внизу чёрная вода жадно поглощала отражения фонарей — будто и правда ждала её. «Один шаг. Просто отпустить руки...»

— Эй, самоубийца, — раздался хриплый голос.

Она обернулась — перед ней стоял парень лет тридцати, с сигаретой в зубах, в чёрной кошке с потрёпанными рукавами. В левой брови поблёскивала серебряная серьга — точь-в-точь как у Криса, только с треснувшим камнем. Его глаза были красными от бессонницы или чего-то покрепче, но во взгляде не было ни жалости, ни осуждения, ни страха.

— Если уж решила сдохнуть, — он вынул изо рта мокрую сигарету и ткнул ею в сторону набережной, — давай сначала отметим твои поминки. Выпьем. Поговорим. А если после этого будет всё так же хреново — чёрт с тобой, возвращайся и прыгай.

Он показал на часы с потрёпанным ремешком:

— Сейчас два. Ночь длинная, вода холодная — тебя никто не спасёт.

Ветер швырнул ей в лицо дождь, смешанный с его табачным дымом. Селина вдруг заметила, что у него на шее — тонкий шрам, будто от петли.

И почему-то кивнула.

Может, потому что он говорил с ней как равный.

Может, потому что его серьга блестела так знакомо.

А может, просто потому что даже отчаяние иногда устаёт быть одиноким.

Селина пришла в себя.

Кровожадные тени прошлого наконец отпустили её сознание, оставив после себя лишь кровавые следы и хаос. Она сидела в углу чердака, прижавшись спиной к холодной стене. Из свежей раны на бедре сочилась алая нить, медленно растекаясь по коже. Руки дрожали, словно её тело бунтовало против неё, заражённое не Паркинсоном, а собственной слабостью.

Острые стальные пластины — её «инструменты» — хаотично валялись на полу, блестя в тусклом свете, как осколки разбитого зеркала. «Снова...» — мелькнуло в голове. Но когда? Последнее, что она помнила — вспышку боли в висках, кричащие воспоминания, а потом... лишь пустоту.

Видимо, её снова накрыло. Эти чёртовы травмирующие события из прошлого, так нелепо называемые флэшбеками, накрыли её как цунами прибрежный город. Душевная боль заволокла её в свои адские пути, и разум, по старой, укоренившейся привычке, перевёл её в физическую — в эти ровные, контролируемые линии на коже. «Хотя бы здесь я решаю, где и как болеть».

Селина злилась. На родителей. На того парня, так невовремя проходящего по мосту. Она злилась на всё, особенно на себя. «Как я могла?» — выла она. — «Я же поставила себя на таймер. У меня ещё девять дней. Девять невыносимых дней, и всё закончится. А до этого — никаких самобичеваний и попыток убить себя.»

Она должна разобраться, что за хрень происходит. Почему она ничего не помнит о той ночи? Почему этот идиотский психолог преследует её даже в галлюцинациях?

Селина закурила, глубоко затянувшись. Сигарета №9.

Дым вишни заполнил лёгкие — сладковатый, с горьким послевкусием, как её собственная жизнь. Он вился вокруг неё, медленный и густой, будто пытался замаскировать запах крови.

09:15

— Чёрт, Крис скоро придёт, — выругалась она. Мне надо убрать здесь всё. Скрыть все улики моего неподобающего поведения и спуститься вниз как ни в чём не бывало.

Кровь. Окровавленные салфетки скомкиваются в тугой шарик и исчезают под половицей — там, в тёмной щели, уже ждёт целая коллекция её срывов. Лезвие, ещё влажное от алых отпечатков, она протирает тряпкой, смоченной в виски. Жидкость въедается в сталь, оставляя после себя резкий запах, смешиваясь с металлическим привкусом раны.

Нога. Надо перевязать её. Она наматывает бинт. Слишком туго. Он впивается в кожу, боль отдаёт резким импульсом в колено. *«Пусть болит. Так надёжнее. Так я точно не забуду, что произошло.»*

Сигареты. Где сигареты? Ах да, вот же они — пачка с восьмью оставшимися «билетами в никуда». Она засовывает её поглубже в рюкзак, туда, где Крис вряд ли их найдет. Если он увидит именно эту пачку — поймёт всё сразу. В этот раз она не блефует, она реально дойдет до конца.

Селина натягивает джинсы, скрывая бинты под грубой тканью. Закатывает рукава — пусть лучше он видит старые шрамы, чем догадывается о новых. Брызгает в лицо холодной водой, смывая слёзы, но не боль. Красные глаза? Недосып. Всё просто. Всё логично. Делает последнюю затяжку. Тушит окурочок в пепельнице, такой же переполненной, как и её терпение.

И спускается вниз, делая глубокий вдох.

Как ни в чём не бывало.

Как будто внутри неё не зияет пустота, готовая поглотить всё до последнего осколка.

Крис уже пришёл.

Всё-таки любил этот парень свою работу. Не просто любил — он жил этим местом. Приходил раньше положенного, задерживался на несколько часов после смены, постоянно норовил что-то улучшить. То полку для бокалов переставит — «чтобы удобнее было», то новый коктейль придумает из того, что завалилось на полках, то вдруг возьмётся выводить новую вывеску, хотя художник из него тот ещё.

«Лигатура» стала его домом пять лет назад, когда двадцатипятилетнего парня с татуировкой змеи на шее и пустым кошельком взяли со словами: «Ладно. Попробуем. Всё равно персонала не хватает». Сначала он был кем-то вроде официанта или скорее уборщика. Драил полы до блеска, мыл горы посуды, собирал осколки разбитых бутылок, которых после ночных разборок оставалось не мало. Особенно по выходным, когда в баре собиралась толпа из местной шпаны, байкеров, уставших офисных работников и чёрт знает кого ещё.

Но Крис не жаловался. Он методично, с каким-то даже мазохистским упорством отскребал жвачку из-под столов, оттирал засохшую кровь со стен, столов, пола, иногда даже с потолка и терпеливо выслушивал пьяные откровения посетителей. Может, поэтому через год хозяин, тяжело вздохнув, протянул ему ключи от бара: «Ты тут, похоже, надолго, парень».

С тех пор «Лигатура» преобразилась. Не то чтобы стала фешенебельным заведением — нет, это по-прежнему было место для опустившихся и отчаявшихся, — но здесь появилась своя, особенная атмосфера. Крис знал по имени каждого завсегдатая, помнил, кто что пьёт и с кем не стоит садиться за один стол. А главное — он умел слушать. Без осуждения, без

нравоучений. Просто слушал, иногда вставляя крепкое словцо или наливая очередную порцию «лекарства».

Сегодня Крис вломился в бар с привычным грохотом, распахнув дверь так, что полки с пивными кружками задрожали.

— Доброе утро, красавица, — бросил он, швырнув связку ключей на стойку. Металл звонко ударился о дерево, заставив Селину вздрогнуть. — Ты как?

Она подняла на него воспалённые глаза — красные белки, тёмные круги, будто кто-то раздавил на её лице пару вороних глаз.

— Спала? — Крис прищурился, доставая из-под стойки смятую пачку «Кэмела». — Хотя, вижу, что нет.

— Почему это? Спала как младенец, — буркнула она, потирая виски. — Если младенец — это алкоголик с белой горячкой.

Крис фыркнул и подошёл к кофемашине — старой, вечно капризничающей, которую он ласково называл «старой шлюхой».

— Кофе? — спросил он, засыпая зёрна в механизм.

— Что-то ты сегодня любезен, — Селина прищурилась. — Задумал что?

— Просто знаю, что без кофе ты убьёшь первого клиента ещё до десяти. А ты вообще тут не работаешь, поэтому убийство повесят на меня. А потом суды, допросы, бумажная волокита... — он нажал кнопку, и кофемашина застонала, как старый станок. — Мне это не нужно, да и тебе тоже. Ты же платить будешь за всю эту хрень.

Селина усмехнулась, наблюдая, как струйка чёрной жидкости наполняет кружку:

— Ты забыл про самое главное.

— Что же?

— Кто будет мыть стаканы после твоего ареста.

Крис фыркнул, поставив перед ней дымящуюся чашку:

— Пей, отравительница. Только не прикидывайся потом, что это я тебя травлю.

— Спасибо, токсик.

Она взяла кружку обеими руками, ощущая тепло через тонкий фарфор. Кофе пах горько и надёжно — редкое сочетание в её жизни, где всё либо слишком сладко притворялось, либо обжигало без предупреждения.

На секунду — всего на глупую, короткую секунду — ей стало хорошо. Не «всё наладилось» хорошо, не «жизнь прекрасна» хорошо. А просто... тихо. Без той привычной боли, что сверлила виски по утрам, словно кто-то выключил адскую сирену в её голове. Может, из-за того, как Крис шутил про убийства и суды, будто они всего лишь обсуждали прогноз погоды. Может, из-за того, как солнечный луч, первый за неделю, упал на стойку, подсветив пыль в воздухе, и это напоминало что-то из детства — то ли мультфильм, то ли забытое стихотворение.

Хрупкое мгновение. Хрупкое, как фарфор в её руках.

Но даже такое — уже подарок.

За окном туман начал рассеиваться, обнажая серые стены соседних домов. Холодное октябрьское солнце выпустило свои одинокие лучи из-под пухового одеяла туч. Где-то вдалеке у машины сработала сигнализация, заливая квартал душераздирающим визгом и поднимая воронов с облысевших деревьев. Кто-то спешил на работу, в нормальную жизнь, которой у неё никогда не было.

— Кстати, — Крис разливал сироп по бутылочкам, не глядя на неё, — если всё же решишь сегодня кого-то прирезать, делай это после трёх. У нас новая поставка виски, и я не хочу, чтобы кровь смешивалась с хорошим алкоголем.

Селина сделала глоток, чувствуя, как кофе обжигает язык:

— Ты сегодня особенно романтичен.

— Это называется профессиональная деформация, детка. Когда слишком долго работаешь с психами, начинаешь говорить на их языке.

Она хотела ответить, выразить своё взбалмошное недовольство, но дверь бара распахнулась, впуская первого посетителя — мужчину в костюме, казалось полностью состоящего из складок, с трясущимися руками. Его глаза метались по помещению, пока не остановились на бутылке за стойкой.

— Доброе утро, — прохрипел он. — Я... мне нужно...

Крис вздохнул, не дожидаясь окончания фразы, и потянулся к полке с бутылками убийственно пойла. Его пальцы сами нашли нужную бутылку — «Кленовый дуб», виски дешёвый и едкий, но именно то, что требовалось таким, как этот мужчина в десять утра вторника.

— ...чтоб не трясло, — закончил посетитель, прижимая ладони к стойке, будто боялся, что его унесёт ветром.

Селина наблюдала, как его мокрые от пота ладони оставляли отпечатки, противные мокрые следы рук на полированном дереве. Она знала этот танец — сначала дрожь в руках, потом первая рюмка, потом вторая, потом либо облегчение, либо истерика. Пятьдесят на пятьдесят. Как повезет.

— На, — Крис поставил перед ним стопку, но не отпустил бутылку. — Сначала деньги. Потом живительная влага. Сегодня у меня принципы, чувак.

Мужчина полез в карман брюк, но кроме чувства стыда он оттуда ничего не достал. Он распахнул пиджак, яркая как артериальная кровь подкладка пиджака брызнула в глаза Селине. Дрожащими руками мужчина начал рыться по карманам. Пальцы не слушались, глаза бешено бегали в смущении и ненависти. То ли из-за ярости, то ли из-за неадекватного состояния он скинул пиджак, вывернул подкладку. Оттуда выпали ключи, мятая купюра и фотография — мелькнуло детское лицо, прежде чем всё это шлёпнулось на пол.

Селина наклонилась подобрать его пьяное богатство. Она подняла снимок. Он был ещё совсем новым, но уже таким старым. Весь измятый, грязный с отчетливой вонью из смеси табака, рвоты и позора. Её передёрнуло. На фото с лучезарной улыбкой на невинном лице стоял ребёнок. Мальчик лет пяти в ярко-синей шапке — её пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно.

— Эй, — Крис бросил на неё взгляд, полный немого предупреждения. Не лезь.

Она положила фото на стойку лицевой стороной вниз. Мужик или скорее пьяное отродье даже не посмотрел — просто швырнул деньги, схватил рюмку и опрокинул её одним движением. Виски стекало по его подбородку, как слёзы, которые он, видимо, давно разучился проливать.

— Ещё, — прохрипел он, когда алкоголь ударил в пустой желудок.

Крис покачал головой.

— Сначала закуси. Хочешь, я тебе омлет сделаю?

— Я не за... — мужчина начал и вдруг закашлялся так, будто лёгкие пытались вырваться наружу.

Селина молча пододвинула ему стакан воды. Он отшвырнул его локтем — стекло разбилось о стену, оставив мокрый след, похожий на тот, что когда-то оставила она в кабинете Доктора Л.

— Всё, шоу окончено, — Крис резко забрал бутылку. — Иди проспись. Возвращайся после обеда.

Мужчина замер на секунду, будто не понял приказа. Его лицо исказилось в гримасе ярости.

— Ты... ты кто такой мне указывать?! — Он ударил кулаком по стойке, опрокинув пустую стопку. — Я тебе заплатил, сука!

Крис даже бровью не повёл, только медленно положил тряпку и развернулся к нему всем корпусом.

— Заплатил за одну. Получил одну. Теперь вали.

— Да я тебя... — мужик ринулся вперед, но его ноги странным образом переплелись, и он грохнулся грудью на стойку, сбив подставку для закусок.

Селина вздрогнула, когда его рука в отчаянии потянулась к бутылке. Ещё секунда — и либо она была бы мертва, либо весь виски оказался бы на полу. Крис опередил его — бутылка со звоном покатила в угол, оставляя за собой кровавый след из разбитых пальцев.

— Всё, дружок, — голос Криса внезапно стал тихим и опасным, — сейчас у тебя два варианта: или ты сам сейчас выходишь за дверь, или я тебя туда вынесу. И поверь, на второй вариант будет больно смотреть даже твоему фотографу. — Он кивнул на снимок, который теперь валялся в луже спиртного.

Мужчина тяжело дышал, слюна капала с его подбородка. Вдруг он рванул к Селине:

— Ты! Сука! Ты же подняла! Отдай!

Она инстинктивно прижала фото к груди. Крис двинулся между ними быстрее, чем можно было ожидать от такого крупного мужчины.

— Ещё слово — и твои дети останутся сиротами. — Прошептал он так, что слышала только Селина. Потом громко: — Дверь. Сейчас же.

Что-то в его голосе наконец прорезалось сквозь алкогольный туман. Мужчина отпрянул, споткнулся о свой же стул и попятился к выходу, бормоча что-то невнятное про «разберёмся» и «вернусь».

Когда дверь наконец захлопнулась, в баре повисло напряжённое молчание. Крис наклонился подобрать разбитую стопку, его костяшки были белыми от того, как сильно он сдерживался, чтобы не навалить этому уроду.

— Видишь, — он с грохотом швырнул осколки в ведро, — поэтому я и не хочу, чтобы ты убивала клиентов до десяти. Дай мне хотя бы кофе допить, чёрт возьми.

Селина ничего не ответила. Она всё ещё разглядывала отпечатки пальцев на фотографии — маленькие, жирные, оставленные ребёнком, который верил, что папа вернётся домой совсем другим.

Время тянулось медленно.

Оно было тягучим как смола, медленным словно рабочий день на ненавистной работе.

Напряжение постепенно сменилось привычной рутиной.

Бар оживал. Кто-то заказывал кофе навынос, кто-то — что-нибудь покрепче с утра пораньше. Селина помогала Крису — натирала стаканы до блеска, мыла стойку от разлитого пива, расставляла бутылки, меняла пепельницы. Её движения отдавали металлом, механические, точные, как станковая установка на заводе.

Это помогало.

Она часто приходила в «Лигатуру» не затем, чтобы пить, хотя и это тоже, а затем, чтобы *делать*. Чистить. Мыть. Наливать. Наводить порядок в этом хаосе этанола, дыма и опустившихся людей. Здесь, среди разбитых стаканов и пролитого алкоголя, она могла хоть что-то контролировать. Хоть что-то доводить до «идеала». Иногда ей казалось, что если она отмоев стойку достаточно сильно, то смоет и свои грехи, неудачи и это ужасное чувство безнадежности.

Крис никогда не спрашивал, зачем она это делает. Возможно, потому что сам был таким же — его руки всегда были в движении, всегда что-то чистили, настраивали, поправляли. Может, поэтому они и понимали друг друга без слов.

К полудню Крис наконец вытащил её на перекур. Не то чтобы эта работа её утомляла или приносила бесчеловечные страдания, но воспоминания об утреннем инциденте глушили её напускное спокойствие. Труд не помогал справиться с накатившей тревогой, запах чистящих

средств не затмевал перегар посетителей, тряпка не отмывала её руки по локоть в крови. Они стояли у чёрного хода, курили молча, наблюдая как дым смешивается с холодным воздухом.

— Ты свой сэндвич так и не съела, — бросил Крис, докуривая сигарету.

Селина нахмурилась, раздавливая окурки о кирпичную стену:

— Откуда ты знаешь?

— Сходил проверить, пока ты как одержимая натирала стаканы. — Он швырнул бычок в урну. — Ты сегодня странная. Больше чем обычно.

Она хотела огрызнуться, но Крис уже развернулся к двери, приглашая её войти. Джентльмен, блин.

Внутри пахло лаймом и мятой — Крис начал готовить свой фирменный коктейль с идеальным названием для своего содержимого «Гробовщик». Джин, абсент, немного водки, какая-то настойка странного цвета и капля чернил кальмара для цвета. На кой чёрт в этой адовой смеси лайм и мята Селина не уточняла, но что-то подсказывало ей, что тому, кто заказывает такое, чуть только стрелка часов указывала на двенадцать, было без разницы.

Крис тем временем разминал шею, будто готовился к бою, а не к приготовлению коктейля. Его пальцы нервно постукивали по шейкеру, выбивая ритм, который Селина смутно узнавала — то ли из старой песни, то ли из своих кошмаров.

Гремучая смесь была готова. Чёрная как чума, яркая как свет в конце туннеля одновременно пугала и манила. Селина даже задумалась над тем, а не попробовать ли ей самой этот ансамбль прямиком из лимба.

— Девятый столик. — сказал Крис, протягивая ей бокал.

— Что?

— Девятый столик. Отнеси коктейль, они ждут уже минут десять. Или ты забыла, что хотела посмотреть на того самоубийцу, что пьёт это в полпервого вторника.

— А, да, точно. — промямлила Селина, забирая стакан.

Она отнесла заказ на вид самой обычной паре, извинилась за долгое ожидание и хотела было удалиться, как вдруг заметила мужчину за соседним столом.

Он сидел один. Уставившись в утреннюю прессу. Прилично одетый, в шляпе, что нехарактерно для посетителей такого места. Но что-то в нём было не то. Очки. Тонкая металлическая оправа, круглые стёкла — точь-в-точь как у Доктора Л.

Она застыла. Электрический импульс проник под кожу. Селина бросилась к стойке.

— Крис... — её голос дрогнул.

— Что?

— Ты его... видишь?

Крис скосил глаза:

— Кого? Того в шляпе?

— Да...

— Ну вижу. И что?

— А, да ничего. Думала мне померещилось, что он реально в шляпе в такую погоду.

Мужик поднялся и направился к стойке. Его шаги были мягкими, почти бесшумными.

— Ещё один кофе, — сказал он. Голос — бархатный, спокойный, знакомый.

— Будет сделано. — ответил Крис, переставляя бутылки с прозрачной жидкостью. Одна из них — с рваным краем этикетки — стояла слишком близко к краю.

— Осторожнее, — сказал мужчина, поправляя очки. — Такое можно и не заметить, пока не порежешься.

Селина застыла.

Эти слова. Дословно.

Когда-то она уже слышала их.

Вспышка

Тот бар пах не вишнёвым дымом и старым деревом, он был пропитан плесенью и хлоркой. Селина даже не помнила, как сюда попала — то ли её кто-то сюда привёл, то ли ноги сами принесли. Одежда была испачкана в чём-то тёмном. Рукава липли к коже.

«Упала», — автоматически подумала она, хотя прекрасно знала, что это не падение оставляет такие ровные линии на коже.

За стойкой — незнакомец. Не Крис. Этот бармен был старше, с жёлтыми от никотина пальцами.

— Эй, цыпа, — он поставил перед ней стакан с чем-то мутным. — Ты тут или где?

Она хотела послать его, но вдруг заметила его глаза — дикие, яркие, смотрящие прямо на неё. Его взгляд парализовывал.

Селина схватила со стойки напиток и поспешила удалиться за столик подальше от этого типа.

— Осторожнее, — раздался спокойный голос за спиной. — Такое можно и не заметить, пока не порежешься.

Мужчина в тёмном пиджаке указывал на осколок у её ног — битое стекло, блестящее как зеркало.

— Спасибо, — буркнула она, продвигаясь дальше к столу.

На душе было гадко. Голова трещала как будто об неё разбили бутылку. Руки прилипали к столу, оставляя за собой кровавые разводы.

Она сделала глоток.

Ядерная смесь ударила в нёбо, обожгла язык, разрежала горло ядерной волной.

— Ты мне... кислоту налил?! — прошипела она, но бармен уже отвернулся.

В этот момент тень упала на её стол.

— Не пейте это, — сказал мужчина, пару минут назад спасший её от новых порезов.

Он был одет слишком аккуратно для этого места — тёмный пиджак, белая рубашка, очки в тонкой оправе. Его пальцы мягко забрали стакан у неё из рук.

— Это для чистки столов, — поставил он стакан подальше. — Хотя, учитывая ваши... повреждения, возможно, стоило дать вам именно это.

Селина взглядела в его лицо. Что-то в его спокойствии казалось неестественным.

— Вы... — начала она.

— Просто прохожий, — он улыбнулся. — Хотя в этом городе случайностей не бывает.

Он достал платок и протянул ей:

— Вытрите руки. Или... оставите как есть?

Сама не понимая почему она его послушалась, Селина вытерла отпечатки со стола, промокнула сильно кровоточащие раны на запястьях, щурясь от боли. Не то чтобы это помогло избежать потери крови, но это было всяко лучше, чем сидеть в луже из собственных же выделений.

— Выпей. — мужчина поставил перед ней стакан с водкой. — Потом поговорим об этом, — он указал на её руки. — Если захочешь, конечно.

Они разговорились.

Не о руках. Не о крови. Не о том, почему она здесь. Просто о жизни.

Он рассказывал о своей работе — что-то про командировки, исследования, смешные случаи с коллегами. Она в ответ выдавила из себя пару историй про «Лигатуру» — конечно, вымышленных, где она была просто весёлой посетительницей, а не тем, кем была на самом деле.

Они смеялись.

Странно — в этом подвале, пропахшем хлоркой и отчаянием, они смеялись, как старые знакомые. Водка жгла раны, но боль стала далёкой, почти чужой.

— Тебе пора, — вдруг сказал он, когда стаканы опустели. — У тебя завтра...

Он замолчал, будто поймав себя на чём-то.

— Какое завтра? — фыркнула она.

— Вот именно, — он улыбнулся, поправляя очки. — Никакого.

Он не спросил её имени. Не предложил помощь. Не узнал, что случилось.

Но когда она вышла на рассвете, то вдруг осознала, что забыла — забыла, где именно был тот бар, как он выглядел снаружи, как звали того бармена с неровными зрачками.

Она запомнила только его. Мужчину в пиджаке.

Крис одернул её за плечо, заставив вздрогнуть.

— Эй, ты ещё тут? — он щёлкнул пальцами перед её лицом.

— Да. Я... Я здесь. Всё нормально. Я просто задумалась.

Селина моргнула, возвращаясь в реальность.

Этот мужчина из воспоминания...

Доктор Л.

Она записалась к нему. Сама. И забыла.

— Крис, — её голос звучал хрипло. — Я... рассказывала тебе про психолога?

Крис замер на полпути к бокалу, брови поползли вверх:

— Ну, «рассказывала» — это громко сказано. Ты тогда, если помнишь, была пьяна в хлам и орала что-то вроде... — он перешёл на фальшивый шёпот, пародируя её: — «Он сидел как проклятый бог и смотрел сквозь меня!»

Она стиснула зубы.

— А имя его я не говорила?

— Да какое там имя! — Крис фыркнул, наливая себе кофе. — Ты его «доктор-придурок-в-очкастой оправе» называла. Хотя... — он вдруг задумался. — Стоп, ты же упоминала какую-то идиотскую аббревиатуру. Л.С.Д.? Или...

— Доктор Л., — прошептала Селина.

— О, точно! — Крис рассмеялся, брызгая кофе на стойку. — Л., твою мать. Как у шпионов. «Доктор Л.» — он сделал драматическую паузу. — Что, «Люцифер»? «Лицемер»? «Лжец»?

Его смех был тёплым и привычным, но Селину вдруг пронзила мысль:

Он знал. Крис знал, что она была у него раньше.

— А ты случайно не знаешь, сколько раз я у него была?

— Два. Неделью назад вроде и вчера, ты ещё вечно пьёшь у него на приёме и заваливаешься сюда — Крис обвёл взглядом бар — со своей паранойей и галл...

Он осёкся.

— Стоп. Почему ты вообще спрашиваешь? Это ты к нем ходишь, а не я.

— Я... Я не помню, как записывалась к нему...

— Подожди. Ты серьёзно не помнишь, как оказалась у него?

Она кивнула.

Реальность расползлась по швам.

Растерянность приняла новую форму. Превратилась в нечто плотное, осязаемое. Она нависала, душила, поглощала.

— Ладно, мне пора, — Селина резко встала, задев стойку коленом. — В кофейне смена в четыре.

Крис медленно поднял бровь:

— Ты же месяц как в отпуске.

Ложь.

Даже такая жалкая, развалилась как карточный домик.

Она видела, как его глаза сузились — он знал, что она врёт. Но вместо вопросов Крис лишь вздохнул и махнул рукой:

— Ладно, солнце. Береги себя.

Его тон был мягким, но в глазах читалось что-то новое — настороженность? Страх?

Она выскользнула из-за стойки и направилась к выходу.

Улица встретила её хаосом.

Воздух гудел, как перегруженная электросеть. Ветер завывал в переулках. Одиноким фонарь мерцал. Тени слишком густые, слишком чёрные — они шевелились на периферии зрения, вытягиваясь за ней по пятам.

Тротуар под ногами дышал.

Каждый шаг отдавался в висках, будто она ходила по натянутой коже. Из щелей сочилась тёплая жидкость, оставляя за ней отпечатки не её размера. Ветер дул строго навстречу, даже когда она поворачивала за угол — будто кто-то огромный дышал ей в лицо.

Вывеска «Л. Дерматология» мигала красным, как предупреждение. Буква «Л» пульсировала в такт её сердцу. В разбитом стекле витрины мелькнуло отражение — не её, кого-то другого: мужчина в тёмном пальто. Его рука медленно поднялась, указывая куда-то за её спину. Она обернулась — никого, только опавшие листья медленно плыли по тротуару.

Сердце пропустило удар. Адреналин ударил в голову. Селина побежала.

Холодный воздух обжигал лицо. Волосы предательски путались. Лёгкие горели. Она тяжело дышала. Металлический привкус срывался с губ.

Переулок.

Стены домов смыкались, выжимая оставшийся воздух из альвеол. Где-то капала вода — кап-кап-кап. Лужи под ногами были красными, как вино, разливающееся по бокалу.

— Эй! — крикнул голос, — Иди сюда, красотка, составь нам компанию.

Она не обернулась.

Мост.

Тот самый. Река внизу чёрная, как мгла. Перила облезли ровно в том месте, где она тогда стояла. Ветер шептал его слова: «А если после этого будет всё так же хреново...»

Дом.

Дверь захлопнулась. Тишина.

Селина прислонилась к стене, чувствуя, как холодный гипс впитывает дрожь её тела. Внутри стоял густой воздух, словно наполненный невидимой пылью, которая оседала на языке, заставляя давиться каждым вздохом.

Она скинула куртку — та упала на пол со звоном, хотя в карманах не было ничего металлического.

Зеркало в прихожей стояло неподвижно. Она не хотела туда смотреть. Но глаза сами потянулись к отражению, словно что-то или кто-то хотел увидеть её перепуганный взгляд. Лицо было бледным, как бумага, но не это заставило сердце остановиться.

За её спиной в темноте коридора стоял силуэт. Высокий, в знакомой косухе.

Адам.

Он не двигался. Не дышал. Просто стоял, сверля её затылок своим взглядом. Его губы беззвучно шевельнулись: «Завтра. В девять. Там, где всё началось».

Селина резко обернулась, в квартире никого не было — только гильза от патрона, точь-в-точь как та, что болталась на брелке у Криса, лежала у её ног, блестя в свете уличного фонаря.

Она медленно подняла её, ощущая холод металла. Внутри что-то было — маленький свернутый листок с адресом парка. Того самого, где она убила его.

8

Гильза всё ещё лежала в её руке, когда Селина поняла, что не дышит. Дыхание тяжело вырывалось из груди. Металл в ладони успел нагреться, но холод внутри девушки был сильнее. Он превращал её в камень, крошащийся от ударов зубила. Селина сжала руку в кулак. Фаланги захрустели, ногти впились в кожу, оставляя красные полумесяцы. Боль. Хорошо. Боль — это якорь.

В прихожей было темно, только свет уличного фонаря тускло проникал в помещение. Его лучи пробивались сквозь пыльное стекло, рисуя на стене длинные тени, похожие на кривые пальцы. Селина смотрела на гильзу и не могла пошевелиться.

Завтра вечером. В девять. Там, где всё началось.

Голос Адама всё ещё звучал в ушах, вьёвшись в перепонки, как его запах — тот самый, вишнёвый, смешанный с потом и страхом.

— Это не он, — прошептала она вслух, и собственный голос показался чужим. — Это глюк. Я не спала трое суток, я...

Она не договорила.

На полу, там, куда падал свет, лежала тень.

Не её.

Длинная, мужская тень тянулась от порога, перекрывая ей путь к выходу. Селина замерла. Сердце пропустило удар, а потом забило где-то в горле, мешая дышать.

Она медленно подняла глаза.

В дверном проёме, прислонившись плечом к косяку, стоял Адам.

Он был одет в ту самую чёрную косуху с потрёпанными рукавами. Та же серьга в левой брови, те же красные от бессонницы глаза. Только кожа отливала синевой, как у утопленника, а на шее... На шее зиял длинный порез, края которого не сходились, обнажая что-то тёмное внутри.

— Ты пришла, — сказал он, и его голос звучал так, будто доносился со дна колодца.

Селина отшатнулась, ударившись спиной о стену. Гильза выпала из ослабевших пальцев и покатилась по полу, звеня, как монеты с глаз мертвеца.

— Тебя нет, — выдохнула она. — Тебя нет, тебя нет, тебя...

— А ты проверь, — он улыбнулся, и в улыбке этой не было ничего живого. Только холодная, резиновая гримаса. — Потрогай.

Он шагнул к ней.

Селина зажмурилась.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. — Она считала про себя, как учил её Крис: «Когда паникуешь — считай. Это возвращает в тело». — *Шесть. Семь. Восемь. Девять...*

Тишина. Голос заглох как старый автомобиль.

Она открыла глаза.

В коридоре никого не было. Только гильза валялась посреди комнаты, тускло поблёскивая в свете фонаря. И листок с адресом — маленький, свёрнутый в трубочку, лежал рядом, будто ждал, когда она его поднимет.

Селина сползла по стене на пол.

Руки тряслись. В висках пульсировала кровь, отдаваясь глухим стуком в каждой клетке. Она сжала голову ладонями, пытаясь остановить это бешеное вращение мыслей.

Галлюцинации — это нормально. Для таких, как я — нормально. Я не спала. Я почти не ем. Организмдохнет. Это просто... просто сбой.

Она повторяла это как мантру, пока дыхание не выровнялось.

Потом она подняла гильзу и листок.

Пальцы не слушались, когда она разворачивала бумагу. На ней было написано всего несколько слов, от руки, чернилами, которые расплылись от влаги:

Парк Вордфол. Скамейка у пруда.

Тот самый парк. Та самая скамейка.

— Нет, — выдохнула Селина. — Нет, нет, нет... Этого не может быть.

Она швырнула листок в сторону, но он, словно намагниченный, упал обратно к её ногам.

Завтра. В девять.

Часы на стене показывали половину первого ночи. До завтра оставалось меньше суток.

Ночь была долгой. Как бы Селина не старалась уснуть, сон ускользал от неё как земля сквозь пальцы. Она лежала в кровати, тело затекло, мышцы ныли, но стоило закрыть глаза — и перед ними всплывало лицо Адама с разорванной шеей. Она пробовала читать, спать в другой комнате, но кошмары не покидали её сознания, только слёзы стояли в глазах, и дыхание замирало от ужаса. Она пробовала курить, но и это не помогало. Чёртовы сигареты душили ещё сильнее её саднящее горло.

Ещё восемь дней, всего восемь несчастных дней и я буду свободна. Свободна от этого дерьма под названием жизнь, свободна от пыток разума и насилия окружения. Восемь...

Под утро, когда дымка за окном начала сереть, Селина встала с кровати не в силах больше продолжать свои ночные мучения.

Она достала телефон, и пальцы автоматически набрали номер Молли, впервые за несколько месяцев. Селина не видела её больше тридцати одинаково мрачных дней, с тех пор как сбежала из психиатрической больницы. Или как сказала бы её рыжеволосая подруга бес-тия: «Когда ты предала нашу дружбу. Предала меня...».

Послышались гудки, в трубке заговорили: «Абонент временно недоступен или послал вас куда подальше». Впрочем, это было не удивительно. Уже целый месяц Молли была в не зоне доступа, если верить Крису.

— Чёрт, Молли, ну, где ты? — прошептала она в пустоту.

Потом, помедлив, набрала другой номер.

Крис ответил после третьего гудка. Голос у него был хриплый, сонный, но уже насторо-женный.

— Силли? Ты чего в такую рань?

— Крис, — она сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле. — Ты... ты помнишь Адама? На том конце повисла тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом.

— Крис?

— Помню, — его голос изменился. Стал жёстче, суше, твёрже — А ты, значит, вспом-нила?

Селина замерла.

— Что значит «вспомнила»?

— То и значит. Ты после того, как... ну, после всего, спрашивала меня о нём. Раз сто, наверное. Я думал, ты знаешь.

— Я... я не помню, как спрашивала.

— Силли, — Крис вздохнул, и в этом вздохе было столько усталости, что ей стало физически больно. — Ты много чего не помнишь. Ты тогда, после больницы, была как зомби. Всё время спрашивала про него. Жив ли, мёртв ли, где его искать. А потом резко перестала. Я думал, ты отпустила.

— Я ничего не отпустила, — прошептала она. — Я просто... я забыла.

Она рассказала ему про гильзу. Про адрес. Про голос Адама в прихожей.

Крис долго молчал. Так мучительно долго, что она уже решила — он бросил трубку.

— Не ходи туда, — наконец сказал он. — Слышишь меня, Селина? Даже не думай. Не смей туда идти.

— Я должна.

— Ничего ты не должна! — рявкнул он, и в голосе его впервые прорезалось что-то, похожее на страх. — Ты должна жить, слышишь? Жрать, спать, пить таблетки и не сдохнуть в ближайшую неделю! А не шастать по паркам, где тебя...

Он осёкся.

— Где меня что? — тихо спросила Селина.

— Где тебя едва не убили, — закончил он. — Я знаю не всё, Силли. Ты мне не рассказывала. Но то, что я видел, когда ты пришла ко мне тогда... Твои руки, твоё лицо, твои глаза... Ты была не в себе. Ты была в аду. И я не хочу, чтобы ты туда возвращалась.

Селина молчала.

В трубке потрескивала тишина.

— Обещай мне, — сказал Крис. — Обещай, что не пойдёшь.

— Не могу, — ответила она и отключилась.

День тянулся бесконечно.

Селина пыталась есть, но кусок застревал в горле, как вата. Пыталась пить воду — её тошнило. Пыталась уснуть — проваливалась в липкое забытье на несколько минут, а потом просыпалась от собственного крика. Крис продолжал ей звонить, она не поднимала трубки. Не хотела или не могла рассказать ему, что точно решила идти, что она намерена разобраться во всём, что случилось в конце лета.

В четыре часа она достала пачку с сигаретами.

Восемь штук. Восемь дней.

Если я пойду туда сегодня, у меня останется семь. Если я не вернусь — им и не надо будет считаться.

Она закурила одну из обычных. Вишнёвый дым заполнил лёгкие, и на секунду ей показалось, что вместе с дымом внутрь проникает что-то тёплое. Почти забытое.

Адам тоже курил такие. Мы познакомились на мосту, он спас меня, предложил сигарету...

Она закрыла глаза, и память, словно только и ждавшая этого, понесла её в прошлое.

Тот самый мост. Ночь. Ветер швыряет в лицо холодные капли дождя. Она стоит у перил, сжимая их побелевшими пальцами, и смотрит в чёрную воду.

— Эй, самоубийца.

Она оборачивается.

Перед ней стоит парень в чёрной косухе. В зубах — сигарета, дым от которой тут же срывает ветер. В левой брови поблёскивает серебряная серьга. Глаза красные, воспалённые, но во взгляде — ни капли жалости.

— Если уж решила сдохнуть, — он вынул изо рта мокрую сигарету и ткнул ею в сторону набережной, — давай сначала отметим твои поминки. Выпьем. Поговорим. А если после этого будет всё так же хреново — чёрт с тобой, возвращайся и прыгай.

Он показал на часы с потрёпанным ремешком:

— Сейчас два. Ночь длинная, вода холодная — тебя никто не спасёт.

— Ты кто? — спрашивает она, не понимая, почему вообще отвечает.

— Адам, — он пожимает плечами. — Обычный псих, которому тоже иногда хочется прыгнуть. Но я предпочитаю делать это медленно. С комфортом.

Он улыбается, и в улыбке его — столько знакомой боли, что у Селины сжимается сердце.

— Ты... ты понимаешь? — спрашивает она.

— Понимаю, — кивает он. — Когда внутри пустота, когда кажется, что мир — просто декорация, а ты в ней лишняя... Да. Понимаю.

Он протягивает ей сигарету. Селина смотрит на пачку. «Вишнёвый дым». Те же, что она курит сейчас.

Она берёт никотиновую смерть, он поджигает её.

И в тот момент ей кажется, что она нашла родственную душу.

Селина открыла глаза. Слёзы текли по щекам как горная река в середине весны. Она не заметила, как начала плакать, но это было не важно, боль разрывала её грудь на осколки. Воспоминание было слишком ярким, слишком острым, слишком реальным, как будто это снова происходило с ней. Оно было слишком тёплым, и тем страшнее была правда, которую она начала понимать только сейчас.

Адам не был таким же как она. Потерянной душой, утопающей в болезненном бессилии. Он притворялся. Он копировал её боль, чтобы Селина поверила.

Девушка посмотрела на часы. Восемь вечера. Она слишком долго пробыла в забытьи.

До встречи оставался час.

Она оделась, не глядя в зеркало. Всё равно вместо себя она видела там только размытое пятно. Натянула то самое худи — пепельно-чёрное, защищающее от всего мира. Засунула в карман пачку с восемью сигаретами, обычные оставила дома, зажигалку, гильзу с адресом, хоть она и знала его наизусть.

У двери что-то заставило её остановиться. Мысль билась в виски: *«Если я сейчас выйду, я могу не вернуться. Не потому, что убью себя. А потому, что он меня убьёт. Или сведёт с ума окончательно».*

Но ноги уже несли Селину к выходу. Дверь хлопнула за спиной. Она погрузилась в вечернюю дымку поздней осени.

Парк встретил её тишиной.

Не той тишиной, которая бывает в спящем городе, — мёртвой, вакуумной. Здесь тишина была живой. Она дышала, шевелилась, пряталась в кустах и за деревьями.

Фонари горели через один, оставляя длинные коридоры тьмы между островками желтоватого света. Листва под ногами шуршала слишком громко — каждый шаг отдавался эхом, будто кто-то невидимый повторял его следом.

Скамейка у пруда.

Селина остановилась в тени старого клёна и посмотрела туда.

На скамейке кто-то сидел.

Силуэт был мужским. В темноте нельзя было разглядеть лица, но очертания плеч, манера сидеть, слегка наклонив голову с ногой на ногу... Она узнала бы это их тысячи.

Адам.

Сердце судорожно забилося. Удары поражали грудь. К горлу подступила тошнота.
Он жив. Он здесь. Он ждет меня.
Селина застыла. Ноги окаменели. Стальной страх сковал всё её тело.
Преодолея смесь из страха, боли и ужаса она сделала шаг вперёд.
И в этот момент ветер донёс до неё аромат. Его гребанный аромат сигаретной вишни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.